

МАСТЕРСКАЯ

Я не перестаю восхищаться Джигарханяном. Его работоспособностью, душевной уравновешенностью, мужественным оптимизмом. Мудрым, неистеричным отношением к истории вообще и к данному ее этапу — в частности. А еще — умением всегда исполнять в жизни собственную тему, для большинства из нас абсолютно неожиданную и не «актуальную». Полтора года назад он набрал во ВГИКе актерский курс. Проблемы, накопившиеся за это время, оказались настолько принципиальными и болезненными, что возникло желание высказаться вслух...

Армен Джигарханян:

В искусстве главное — кто

— Я стараюсь не думать о том, какие результаты принесет наша с вами беседа. Бывают моменты, когда думать не следует. Иначе приходишь к выводу о глобальной бессмысленности любых усилий и опускаешь руки. «Так трусами нас делает раздумье...»

Возможно, мои слова направлены на разрушение, а не на созидание. У меня масса вопросов — и ни одного ответа. Я не могу пока предложить ничего нового, ничего действенного. Знаю, как должно быть, но понятия не имею, какими путями этого можно достигнуть. Тем не менее я хотел бы во всеуслышание сказать, что мне сейчас очень грустно и горестно. Хотя я человек достаточно закаленный, многое в своей жизни пережил и повидал.

С первых дней обучения мы совершаем бесчисленное количество ошибок, иногда опасных для судеб молодых людей, попавших к нам в руки. Вся система преподавания в наших творческих вузах носит антитворческий характер. Ее необходимо коренным образом менять, начиная прямо с механизма приемных экзаменов. За полтора года работы со своим курсом я убедился, что некоторым из поступивших, причем поступивших довольно легко, здесь не место. Наглость мы приняли за одаренность. Или не наглость, скажем по-другому, — уместость. Ведь именно так часто рушатся судьбы «актерских детей». Их берут не по «блату», просто они технически лучше подготовлены, умеют себя эффектно подать. А потом оказывается, что таланта тут нет и в помине, и человек всю жизнь занимается чужим делом, не доставляя удовольствия ни себе, ни зрителю. Значит, нужен другой метод выявления талантливых ребят. Может быть, очень подробное, неформальное собеседование с каждым индивидуально, с глазу на глаз, чтобы хоть чуть-чуть проникнуть в человека, посмотреть, что у него внутри.

— В какой степени «антитворческий характер» вузовского образования можно оправдать материальными трудностями?

— Я настаиваю на том, что мы впали прежде всего в духовную нищету. Меня возмуща-

ет, когда с трудом добытые деньги идут на приобретение факсов и компьютеров, а студенты продолжают заниматься в грязных, обшарпанных аудиториях. Они привыкают к этой грязи, сживаются с ней, вот что действительно страшно. Нельзя разбирать пьесу Чехова, если вокруг ничего не закрывается, не включается, не держится...

— Но ведь учить каждого индивидуально вы все равно не сможете.

— Это неразрешимая проблема. Коллективное творчество неминуемо ведет к приспособленчеству. Быть «средним арифметическим» легко и приятно, многие студенты это быстро усваивают. Я вообще не поклонник собраний и соборности. По-моему, соборность — далеко не высшее достижение религии. А высшее, вероятно, — разговор с Богом один на один. Люди, которым он доступен, не нуждаются в умножении своих эмоций. Талант, тем более сценический, это и есть непрерывный диалог с Богом. Талантливому студенту у нас труднее всего. На него косятся сокурсники, он раздражает педагогов. У него своя особая пластика, своя манера говорить, ему можно запросто ставить пару по вокалу и отчислить из института.

Талант — это всегда аномалия. Чтобы учить талантливого человека, надо обладать гигантским терпением. Он сопротивляется всякому нажиму, напору, давлению, сопротивляется агрессивно, не забывая о политике. Естественно, ему всегда предпочтут милых пай-мальчиков или девочек, которые все делают правильно, слушаются мастера, никому не перечат. Талант ведь, как правило, не «милый». Он острый, колючий, весь сплошь из углов, особенно в молодости. Ему приходится защищаться, чтобы не потерять себя. Мне интересно работать именно со «сложными» студентами. Я должен помочь дарованию раскрыться и направить его в нужное русло. Иначе всей моей «педагогической деятельности» грош цена.

— Я настаиваю на том, что мы впали прежде всего в духовную нищету. Меня возмуща-

ет, когда с трудом добытые деньги идут на приобретение факсов и компьютеров, а студенты продолжают заниматься в грязных, обшарпанных аудиториях. Они привыкают к этой грязи, сживаются с ней, вот что действительно страшно. Нельзя разбирать пьесу Чехова, если вокруг ничего не закрывается, не включается, не держится...

— Разумеется. Туалеты для руководителей — это мораль нашего общества в целом. А там другая мораль, которая насажается и культивируется из поколения в поколение: уважение к человеку, природе, истории. И у них, и у нас есть плохие и хорошие люди, нюанс лишь в том, что считать правильным, а что — исключением. Супермаркеты лет через триста и у нас появятся. Гораздо труднее будет изменить отношение друг к другу. Чего стоят, например, эти мероприятия по спасению мальчика Вовы... «Наш телефон... Наш расчетный счет...». Их проводят равнодушные люди. Вдобавок потом выясняется, что вместо Вовы в Германию поехал здоровый мальчик Петя. А может, и нет. Может, это опять какие-то игры. Мы изначально аморальны, частности здесь не имеют значения.

— Мне как студентке это положение хорошо известно. Известно и то, что редкий педагог встает на защиту своих студентов. От кого или от чего вы намерены их защищать в первую очередь?

— Я не хотел бы переходить на личности — из опасения пошатнуть систему. Мы же видим, какими неприятностями это чревато. Но мне обидно, заходя в ректораты, деканаты, аты-баты, видеть, что преподавателей и студентов разделяет пропасть. Во ВГИКе есть туалет, который запирается на ключ. Для избранных. А к студентам в туалет, простите, без пропуска не войдешь. Вот вам наглядный пример общего принципа взаимоотношений в институте. Наша система образования стоит на голове. Никто не хочет понять, что в творческом вузе главное — студент. Не он существует для нас, а мы для него. Мы — его сфера обслуживания. И он не враг наш, мучитель, злодей, изверг, а первая фигура в институте. Я имею право требовать от бухгалтера ВГИКа понимания творческого процесса.

— Вы любите своих студентов?

— Люблю. Убеждать и воспитывать вообще можно только именем Любви. В наших вузах чересчур официальная обстановка. Педагоги исполняют свой долг — у них на лицах это написано. Однажды я громко расхохотался на сдаче дипломного спектакля, так вы бы видели, с какой укоризной обернулись на меня профессора и доценты. Я нарушил их священнодействие. Экзаменаторы приходят в учебный зал, как судьи инквизиции. Но студенческий спектакль — не театральная премьера, он лишен опыта, навыка, зрелости. Это младенец, и обращаться с ним надо соответственно.

Я не выношу дрессуры. Мне незначим вносить своим студентам страх и трепет. Мы с ними собеседники, партнеры, коллеги. Духовно мы на «ты». Я уверен, что подлинное достоинство всегда предельно демократично. Даже если студент проштрафился, я стараюсь подойти к делу с точки зрения презумпции невиновности.

— А «любимчики» у вас есть?

— Наверное, да. У нас очень пристрастная профессия. Любимый режиссер всегда имеет в театре своих «апостолов».

— Чем ярче педагог, тем неотразимее магия его личности для студентов и тем легче ему лепить их по своему «образцу и подобию». Вашим ученикам будет сделана сильная «прививка Джигарханяна»!

— Надеюсь, что нет. Я стараюсь дать им воздух, простор для свободного развития. Набирая курс, я как раз не подглядывал украдкой в зеркало. Среди них есть абсолютно чуждые мне люди, биологически несовместимые, с другой группой крови. Но я обязан им верить и не мешать двигаться в направлении, заданном от природы. Я сознаю, что в лице некоторых своих студентов готовлю пополнение для чужого театрального «лагеря». Это нормально. Одобрить их искренне я вряд ли смогу, но и ломать не стану, скажу: «Ну что ж, и так тоже можно...».

— Считаете ли вы личную порядочность необходимой для профессионального совершенствования?

— Безусловно. Поговорка «хороший человек — не про-

фессия» к нам не относится. Чем больше в актере душевного благородства, тем сильнее его воздействие на зрительный зал. Можно вести бесконечные эстетические споры о первостепенности в искусстве «что» или «как», но, по-моему, в искусстве все-таки главное — «кто».

— Какие творческие и нравственные принципы вы пытаетесь выработать у своих студентов?

— Я хочу, чтобы они не боялись быть нарушителями. Есть вещи важнее общепринятых законов и норм. Всегда находится кто-то, кто проталкивает тропинку не там, где ее заасфальтировали, а там, где это максимально удобно и целесообразно. Благодаря таким логическим нарушителям человечество исправляет свои ошибки и движется вперед. Новаторство и риск заложены в нашем деле. Все знают, что в финале спектакля Отелло задушит Дездемону, но все равно идут в театр за новой эмоциональной информацией. Зритель интересуется именно этой Отелло, не похожий на виденных прежде.

— А «любимчики» у вас есть?

— Наверное, да. У нас очень пристрастная профессия. Любимый режиссер всегда имеет в театре своих «апостолов».

— Чем ярче педагог, тем неотразимее магия его личности для студентов и тем легче ему лепить их по своему «образцу и подобию». Вашим ученикам будет сделана сильная «прививка Джигарханяна»!

— Надеюсь, что нет. Я стараюсь дать им воздух, простор для свободного развития. Набирая курс, я как раз не подглядывал украдкой в зеркало. Среди них есть абсолютно чуждые мне люди, биологически несовместимые, с другой группой крови. Но я обязан им верить и не мешать двигаться в направлении, заданном от природы. Я сознаю, что в лице некоторых своих студентов готовлю пополнение для чужого театрального «лагеря». Это нормально. Одобрить их искренне я вряд ли смогу, но и ломать не стану, скажу: «Ну что ж, и так тоже можно...».

— Считаете ли вы личную порядочность необходимой для профессионального совершенствования?

— Безусловно. Поговорка «хороший человек — не про-

фессия» к нам не относится. Чем больше в актере душевного благородства, тем сильнее его воздействие на зрительный зал. Можно вести бесконечные эстетические споры о первостепенности в искусстве «что» или «как», но, по-моему, в искусстве все-таки главное — «кто».

— Какие творческие и нравственные принципы вы пытаетесь выработать у своих студентов?

— Я хочу, чтобы они не боялись быть нарушителями. Есть вещи важнее общепринятых законов и норм. Всегда находится кто-то, кто проталкивает тропинку не там, где ее заасфальтировали, а там, где это максимально удобно и целесообразно. Благодаря таким логическим нарушителям человечество исправляет свои ошибки и движется вперед. Новаторство и риск заложены в нашем деле. Все знают, что в финале спектакля Отелло задушит Дездемону, но все равно идут в театр за новой эмоциональной информацией. Зритель интересуется именно этой Отелло, не похожий на виденных прежде.

— А «любимчики» у вас есть?

— Наверное, да. У нас очень пристрастная профессия. Любимый режиссер всегда имеет в театре своих «апостолов».

— Чем ярче педагог, тем неотразимее магия его личности для студентов и тем легче ему лепить их по своему «образцу и подобию». Вашим ученикам будет сделана сильная «прививка Джигарханяна»!

— Надеюсь, что нет. Я стараюсь дать им воздух, простор для свободного развития. Набирая курс, я как раз не подглядывал украдкой в зеркало. Среди них есть абсолютно чуждые мне люди, биологически несовместимые, с другой группой крови. Но я обязан им верить и не мешать двигаться в направлении, заданном от природы. Я сознаю, что в лице некоторых своих студентов готовлю пополнение для чужого театрального «лагеря». Это нормально. Одобрить их искренне я вряд ли смогу, но и ломать не стану, скажу: «Ну что ж, и так тоже можно...».

— Считаете ли вы личную порядочность необходимой для профессионального совершенствования?

— Наверное, да. У нас очень пристрастная профессия. Любимый режиссер всегда имеет в театре своих «апостолов».

— Чем ярче педагог, тем неотразимее магия его личности для студентов и тем легче ему лепить их по своему «образцу и подобию». Вашим ученикам будет сделана сильная «прививка Джигарханяна»!

— Надеюсь, что нет. Я стараюсь дать им воздух, простор для свободного развития. Набирая курс, я как раз не подглядывал украдкой в зеркало. Среди них есть абсолютно чуждые мне люди, биологически несовместимые, с другой группой крови. Но я обязан им верить и не мешать двигаться в направлении, заданном от природы. Я сознаю, что в лице некоторых своих студентов готовлю пополнение для чужого театрального «лагеря». Это нормально. Одобрить их искренне я вряд ли смогу, но и ломать не стану, скажу: «Ну что ж, и так тоже можно...».

— Считаете ли вы личную порядочность необходимой для профессионального совершенствования?

— Безусловно. Поговорка «хороший человек — не про-

фессия» к нам не относится. Чем больше в актере душевного благородства, тем сильнее его воздействие на зрительный зал. Можно вести бесконечные эстетические споры о первостепенности в искусстве «что» или «как», но, по-моему, в искусстве все-таки главное — «кто».

— Какие творческие и нравственные принципы вы пытаетесь выработать у своих студентов?

— Я хочу, чтобы они не боялись быть нарушителями. Есть вещи важнее общепринятых законов и норм. Всегда находится кто-то, кто проталкивает тропинку не там, где ее заасфальтировали, а там, где это максимально удобно и целесообразно. Благодаря таким логическим нарушителям человечество исправляет свои ошибки и движется вперед. Новаторство и риск заложены в нашем деле. Все знают, что в финале спектакля Отелло задушит Дездемону, но все равно идут в театр за новой эмоциональной информацией. Зритель интересуется именно этой Отелло, не похожий на виденных прежде.

— А «любимчики» у вас есть?

— Наверное, да. У нас очень пристрастная профессия. Любимый режиссер всегда имеет в театре своих «апостолов».

ты уже популярен...». Им не терпится поскорее получить дивиденды.

— В одной из наших предыдущих бесед вы заявили, что русский театр — это вечно театр крепостных. Молодые актеры и сегодня выходят в жизнь с той же психологией!

— Я продолжаю утверждать, что в каждом из нас живет Параша Жемчугова. Сегодня в особенности — чересчур много соблазнов вокруг. Я убеждаю своих студентов: не угождайте, не унижайтесь, не демонстрируйте себя, будьте гордыми! Мне очень нравится одна история про Бориса Ливанова. Он присутствовал на банкете артиллеристов, и какой-то военный попросил его «что-нибудь почитать». «С удовольствием», — ответил Ливанов, — если вы потом немножко постреляете...». Я знал актеров, которые профукали свою жизнь, рассказывая анекдоты. На виду нужно быть только в творчестве. Однажды я услышал от великого Райкина гениальную фразу: «В нашей профессии очень важен закон сохранения эмоций». То, что отдается банкетам и презентациям, отнимается у сцены.

— Как совмещается ежеднев-

ная актерская работа с преподаванием!

— По-моему, в нашем деле учить имеют право только практики. Надо быть действующим актером, несколько раз в неделю выходить на сцену или на съемочную площадку. У нас нет ни вчера, ни завтра, только сегодня. Эта профессия при всей своей внутренней цельности постоянно видоизменяется. В ней необходимо активно жить, не останавливаясь до самой смерти, или уж поздно уйти. Ведь психология водителя за рулем совершенно иная, нежели у того, кто сидит с ним рядом. Недаром инспектора ГАИ признаются, что экзамен перед дисплеем — это блеф, на дороге все иначе. Реальное представление о сцене не дает только сама сцена.

— Вы говорите об идеале. Но как же решить проблему времени!

— У нас уже сложилась традиция, когда знаменитый «мастер» посещает свой курс раз в месяц. Это полностью обесмысливает процесс обучения. Актерская профессия, как любовь, разлук не переносит. Надо все время быть рядом со своими студентами. Попытаюсь брать их с собой на съемки, на репетиции, пусть видят настоящую жизнь.

— А в институте — не настоящая!

— Конечно, нет. Там все в основном ограничивается разговорами. В нашем деле любят пустословие, но и у нас его тоже хватает. Сидит актер — умный, ироничный, тонкий, рассказывает о контрапункте роли, а на сцене абсолютно беспомощен. Мне жаль ребят, вынужденных проводить четыре года в институте. Они поступают в шестнадцать, выходят в двадцать, лучшее время потрачено практически без толку. Поздно начинать в двадцать лет! У меня есть студенты, которых я уже потихонечку привел бы в театр. Мясом и мускулами актер обрастает в будничной работе. Выпался, не выпался — на репетицию. Устал, не ус-

тал — играй спектакль. Режиссер может наорать, зарплату могут недодать. Чем раньше они во все это окупятся, тем лучше. Именно поэтому я разрешаю им сниматься в учебное время.

— Вы и сами понимаете, что от вашей критики системы преподавания в творческих вузах ничего существенно не изменится. Стоит ли играть роль Дон Кихота!

— Между прочим, недавно у меня был повод перечитать роман Сервантеса. Я не возвращался к нему чуть ли не со школьной скамьи, а тут раскрыл и... ужаснулся. Может быть, я произношу кощунственные вещи, но мне показалось, что это книга о страшном человеке и растлевающей идеологии. Дон Кихот ведь не патологический идиот, чтобы не сознать, что его вторжения в чужую жизнь приносит людям одни несчастья. Торжество идеи для него гораздо важнее блага окружающих. Маниакальная личность, без конца встречающаяся в истории под разными именами. Я даже подумал, а не была ли книга Сервантеса предупреждением об опасности таких одержимых «рыцарей»?.. Возможно, я ошибаюсь, но мне просто хотелось объяснить вам, что я не Дон Кихот. Кто-то должен сказать правду вслух. В этой позиции нет ни капли героизма, лишь горечь, боль и, если хотите, обреченность.

— Положа руку на сердце, Армен Борисович, зачем вам вообще понадобилось взваливать на себя лишнюю ношу!

— Я и сам иногда не понимаю. Бывает, возвращаешься из института с ощущением, будто сыграл три тяжелых спектакля подряд. Это при том, что энергии все меньше, встаю по утрам все неохотней, и к тому же я люблю свое основное дело и хочу еще кое-что в нем успеть. Поверьте, у меня нет амбиций. Но когда начинаешь замечать микропроцессы, происходящие в головах и душах этих ребят, оторваться от них невозможно. Один вчера еще боялся рот раскрыть, а сегодня уже сам выходит на сцену, что-то придумывает. У другой я даже лица не помню, весь прошлый год пряталась за чужими спинами, а теперь сидит прямо передо мной, улыбается, красивая, манкая. Вчера первый раз на сцене обнялись, сегодня — поцеловались, лица пошли пятнами, но ведь сумели! Мы движемся крохотными шажками, и каждый такой шагок мне страшно дорог.

Недавно я ездил в депутатскую комиссию Моссовета выбивать общежитие для молодых актеров. Жуткое заведение. Попадешь туда и сразу поймешь, что, кроме вывесок, в нашей жизни все остальное по-прежнему. Так вот, один депутат возмутился: «На прошлой неделе Малому театру дали, теперь — Театру Маяковского... Так мы никогда не остановимся». Вы понимаете? Они хотели бы остановиться. А театры остановиться не могут. Им постоянно требуется свежая кровь. Надо заботиться о собственной смене. Полтора года назад я еще был готов играть Ромео. Сегодня — уже нет. Значит, я пришел во ВГИК вовремя.

Беседу вела Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

Фото А. Белянцева.